

объективно по отношению к любому действительному субъекту, но и разворачивается во времени и пространстве. Пространственный показатель культуры, как отмечает М. Н. Фомина, раскрывается через ось времени прошлое—настоящее—будущее. Культура несёт в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящем бытии людей. За счёт этого процесса обеспечивается связь времен [16, с. 67]. Человек вынужденно находится в культурном пространстве, в котором формирует как себя, так и окружающую его действительность, перерабатывая её в культурную «вторую природу». А «культура» создаёт «союз», позволяющий быть человеку человеком благодаря тому, что он оформляет пространство культуры» [17, с. 32]. Человек постоянно живёт в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определённой «системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры, культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком, как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления» [18]. Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Приспособляясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения создаются новые. В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живёт, формируется, развивается и творит человек. Пространство хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человечества, пополняясь в результате культурной деятельности людей.

Список цитируемых источников

- 1 Каган М. С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 4, 1993.
- 2 Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири (конец XVII — начало XX вв.) СПб. 2007. 41 с.
- 3 Юнг К. Г. Архетип и символ // Из-во "Ренессанс" СП "ИВО-Сид". 1991.
- 4 Букин А. Г. Культурное пространство и пространство культур (региональный аспект) автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. 09.00.13 // Чита, 2006. 22 с.
- 5 Русское культурное пространство / под ред. И. В. Захаренко и др. Вып. 1. Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания. 315 с.
- 6 Там же. С. 11.
- 7 Розанов В. В. Около церковных стен. М., 1995.
- 8 Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 39—36.
- 9 Бабаева А. В. Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации // Материалы науч. конф. Серия «Symposium», выпуск 7. СПб. Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 14—17.
- 10 Люббе Г. Наука и религия после Просвещения: об утрате культурной значимости научных представлений о мире. СПб. Наука в культуре. М. Эditorиал УРСС, 1998. С. 278—292.
- 11 Власова С. В. Образование XXI века: каким ему быть? // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 190.
- 12 Семененк И. С. Трансформация критериев самоидентификации в социокультурном и политическом пространстве западной парадигмы и российский контекст // Полос. 2000. № 3.
- 13 Бодрийяр Ж. Система вещей. М., Наука, 1999. 247 с.
- 14 Фуко М. Слова и вещи // Археология гуманитарных наук. СПб., 1980. 370 с.
- 15 Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
- 16 Фомина М. И. Философская культура: онтологический диалогизм. Чита. Поиск, 1999. 160 с.
- 17 Соколов Б. Г. Культура и традиция // Метафизические исследования. 1997. № 4. С. 32.
- 18 Четверов И. Г. Феномен культурного пространства // Материалы II Междунар. науч. конф. «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск, 26.09—31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г.)

УДК 327.339.9

Ю. А. Яроцкая

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

БЕЛОРУССКИЙ ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 1804 году в Японии побывали капитан Иван Федорович Крузенштерн и русский посланник в Японию и Сан-Франциско камергер Николай Петрович Рязанов. Н. П. Рязанов передал И. Ф. Крузенштерну предписание о том, как следует вести себя морякам в Японии:

- строго соблюдать дисциплину и вежливо обращаться с японцами;
- придерживаться японского этикета без ушерба для достоинства русских;
- не высмеивать японские обычаи;
- не совершать открытого богослужения;
- не делать крестные поклоны и не показывать предметы религиозного культа [1, с. 36].

26 января 1855 года в храме Гёкусэндзи портового города Симода Токийского залива был заключён первый Трактат о торговле и границах, установивший дипломатические отношения между Японией и Россией. Русским для деятельности и пребывания Японии открыла три порта: Нагасаки, Симода и Хакодате. Было разрешено свободно посещать японские города на расстоянии 5—7 миль от этих трёх портов, и строить собственные гостиницы. Однако сохранялся запрет на вход в частные дома (только по приглашению) [2, с. 128]. Русским консулом в городе Хакодате был назначен белорус — Иосиф Антонович Гошкевич.

Иосиф Антонович Гошкевич родился в 1814 году в Минской губернии в семье небогатого священника. Образование получил в духовной семинарии. Как лучшего её выпускника, И. А. Гошкевича рекомендовали к поступлению в Петербург в духовную академию, где он сумел себя проявить талантливым языковедом [3, с. 205—206].

9 августа 1839 года И. А. Гошкевича зачислили кандидатом 12-го состава миссии в Пекине. Среди её членов было трое будущих Китаеведов — Палладий (Кафаров, позже глава 13-й миссии), будущий академик В. П. Васильев и врач А. А. Татионов, ставший впоследствии консулом в Синьцзяне [4].

Осенью 1852 года для заключения договора о дружбе в Японию был послан на фрегатах «Паллада» и «Диана» адмирал Е. В. Путятин. К нему были прикомандированы переводчиком И. А. Гошкевич и секретарём И. А. Гончаров, автор известного к тому времени романа «Обыкновенная история». И. А. Гошкевич выполнял функции переводчика с китайского языка, поскольку знание японского языка ещё не было распространено в Европе. И. А. Гошкевич смог быстро адаптироваться к незнакомой речи и, используя знания китайского и маньчжурского языков, восполнял запас слов [5]. Результатом этих переговоров стал первый «Японско-русский договор о дружбе».

Адмирал Е. В. Путятин высоко оценил вклад И. А. Гошкевича и неоднократно просил директора Азиатского департамента Л. Г. Сеньявина поощрить его участие в переговорах с японцами. При этом он давал И. А. Гошкевичу высокую характеристику: «Присутствуя постоянно при всех моих свиданиях с японцами и корейцами и занимаясь как изустными, так и письменными переводами с русского на китайский и с китайского на русский язык, он всех того был беспрестанно употребляем на разные посторонние его прямой обязанности поручения. Не могу довольно нахвалиться его способностями, многосторонней образованностью и строгой точностью исполнения всех поручаемых ему дел. Нельзя было избрать чиновника с большими достоинствами и притом столь скромного, который бы до такой степени удовлетворял цели своего назначения» [6].

17 апреля 1857 года был издан указ царя о публикации Симодского трактата в «Сенатских ведомостях». Он стал первым договором между Россией и Японией, подробно описанным русскими историками [7].

Во время пребывания русских моряков в городе Хэда с И. А. Гошкевичем сблизился японец Ташибана Косай из рода Какэгава, бывший самурай и священник буддийской секты «Нитирэн». Русские моряки укрыли его от японских властей, запрещавших своим подданным общаться с иностранцами. Именно с помощью этого японца И. А. Гошкевич сумел составить первый японско-русский словарь, вышедший в 1857 году и удостоенный Демидовской премии.

В инструкции Министерства иностранных дел от 20 февраля 1858 года первому русскому консулу и всем русским в Японии предлагалось придерживаться строгого невмешательства во внутренние дела страны: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Япониею. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние её дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях» [8]. 5 ноября 1858 года российский военный клипер «Джигит» доставил в город Хакодате И. А. Гошкевича с супругой и сыном, а также других служащих консульства [9, с. 16].

Первоначально штат консульства предполагалось укомплектовать только двумя сотрудниками — консулом и секретарём. Но затем функции дипломатического представительства России в Японии были расширены, в состав консульства были ещё введены врач и морской офицер, который должен был передать японцам необходимые знания об астрономии, мореходстве и искусстве кораблестроения и корабельной механики [10]. Врачу предписывалось открыть больницу и обучать японцев медицине.

При консульстве был открыт госпиталь с бескорыстной медицинской помощью. Врач М. П. Альбрехт 31 июля 1859 года писал: «С апреля месяца сего года, когда из Эдо я получил позволение заниматься практикою, меня часто посещают больные японцы. Мне удалось снискать доверенность их двумя случаями излечения водяной у больных, которые без успеха были лечимы японскими врачами» [11]. Ежегодно в госпитале лечили до сотни японцев. Также врачи Альбрехт и Залесский обучали японских врачей и бесплатно посещали больных на дому.

В 1859 году в Хакодате при содействии консула была построена первая православная церковь Воскресения Христова. Среди местного населения, заворуженного его непривычным колокольным звоном, храм был известен как «Гангандэра» («Храм бом бом»). В его внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками татами, устилавшими пол, как в буддийском храме [12, с. 146—147].

Консул И. А. Гошкевич и отец Николай (первый православный миссионер в Японии) открыли школу русского языка в Хакодате. Также было организовано подсобное хозяйство в деревне Камида. И. А. Гошкевич обучал японцев шитью одежды европейского покроя, выпечке хлеба, приготовлению

молочных продуктов и солений [13]. Также И. А. Гошкевич обучил портного Кидзу Кокити искусству фотографии и передал ему свой костюм, чтобы тот научился шить европейскую одежду. Портной сумел открыть в Хакодате собственные фотоателье и мастерскую пошива европейского платья [14].

С открытием консульства преподавание русского языка поднялось на новый уровень. Существенный вклад в это внёс Иван Махов, который составил элементарный букварь. Его небольшая книжка объёмом в 20 страниц имела заглавие: «Русского чиновника подарок японским детям. Русская азбука». Адресованное детям пособие годилось и для обучения взрослых. Учащиеся знакомились по нему с алфавитом (печатной и письменной формой), получали понятие о гласных и согласных буквах, об ударении. Произношение русских слов передавалось с помощью японской азбуки катакана (одна из двух графических форм японской слоговой азбуки). В подарок губернатору Хакодате букварь переплели особенно нарядно. Губернатор оценил подарок по достоинству: «Превосходно, поистине превосходно. Весьма любопытная вещь и отлично сделана, я восхищён!» [15]. Одна книжка предназначалась главе государства, и она была отпечатана на разноцветной почтовой бумаге.

Русский консул старался как можно глубже познакомить японцев с русскими обычаями и традициями: «Для сближения с здешним чиновным миром, писал он, мы придумали о святках разные увеселения и, кажется, достигли цели. На кануне Рождества устроена была у меня для детей елка, на которую явились не только дети, но и почти все чиновники, и один из старших советников правления принёс от губернатора небольшой подарок... Дамы наши раздавали конфеты, картинки и детские книжки и особенно поразили японцев русским национальным нарядом. Новый год также встречали у меня многие японские чиновники, и по этому случаю был маскарад, в котором участвовали офицеры клипера “Пластун”; имена всех танцев записаны японцами. Наконец 1 января утром присланы были ко мне здешние кадеты, из которых уже многие учатся по-английски, а некоторые после праздников начнут брать уроки русского языка» [16].

Существенным компонентом плодотворной деятельности Российского консульства стало изучение его сотрудниками японского языка. На первых порах деятельности консульства проблема овладения японским языком отчасти разрешалась знанием китайского языка. Им прекрасно владел И. А. Гошкевич. Китайский язык знал М. Ф. Цивильков, назначенный на должность секретаря консульства в 1860 году. Под руководством И. А. Гошкевича сотрудники консульства в сравнительно короткий срок сумели преодолеть языковой барьер. В 1859 году И. А. Гошкевич сообщал о первых шагах в изучении японского языка врача М. П. Альбрехта: «Так как доктор Альбрехт ещё не довольно свободно объясняется по-японски, особенно с простым народом, то я каждое утро провожу с ним в принятии больных» [17, с. 66].

Серьёзных успехов в изучении японского языка добился представитель русского духовенства в Японии отец Николай (Касаткин). После возвращения на родину И. А. Гошкевич писал о нём: «Иеромонах Николай — один из деятельнейших членов нашего консульства. В короткое время он изучил японский язык до такой степени, что свободно объясняется, не нуждаясь, подобно другим, в пособии переводчика. Это обстоятельство в связи с его уживчивым характером чрезвычайно сблизило его с японцами и доставило ему много друзей» [18].

В 1868 году член консульства и один из его японских учеников стали преподавать в правительственной школе Хакодате русский язык, а также математику, географию и историю (все предметы на русском языке). Поэтому школу переименовали в Хакодатскую русскоязычную школу. Поэтому ничего удивительного не было в том, что из всех иностранных языков самым распространённым был русский, а ученики русской школы были носителями европейской культуры в городе [19].

И. А. Гошкевич стал одним из первых иностранцев, которому разрешили проникнуть внутрь Японии. Ему разрешили ездить в столицу страны Эдо (Токио) ко двору сёгуна для урегулирования различных вопросов. Японцы низко кланялись перед канго, в котором несли консула.

В 1868 году статус российского консульства в Хакодате был повышен до уровня генерального консульства, но фактически, до появления в 1874 году российской дипломатической миссии в Токио, консульство играло роль посольства России в Японии. Были так же открыты консульские пункты, преобразованные затем в консульства, в городах Нагасаки (1873 год), Иокогама (1874 год, с 1903 года — генконсульство), Кобе (1881 год). В 1910 году российское консульство также было открыто в городе Цуруга (преф. Фукуи) [20].

В апреле 1865 года И. А. Гошкевич вернулся в Россию. Высокую оценку его деятельности в Японии дал 5 октября 1865 года министр иностранных дел А. М. Горчаков в своём письме в Морское министерство: «В продолжение восьмилетнего существования русского консульства в Хакодате, сношения с японским правительством и с туземными жителями были самые удовлетворительные. При переговорах, неоднократно происходивших между консульством, местными властями и центральным правительством (например, по поводу вопроса о размене монеты, об уступке земли для консульских зданий и т. п.) представления и требования консула были постоянно удовлетворяемы... Достаточно заметить, что Хакодате порт есть единственный, в котором не совершалось ни одного из тех ужасных злодеяний, которыми ознаменовалась жизнь в европейских факториях других портов... Известно также, что в Хакодате европейцы совершенно безопасно могут делать довольно дальние поездки за город, тогда как во всех прочих портах они почти не выходят из дому без сопровождения значительного японского конвоя» [21].

Министерство иностранных дел России 6 октября 1865 года сообщило Морскому министерству, что за восемь лет пребывания консульства в Хакодате отношения русских с местными жителями были самые наилучшие, японское правительство удовлетворяло все просьбы И. А. Гошкевича: об обмене иностранной валюты на японскую, о предоставлении земельного участка для консульских зданий. Таким образом, деятельность первого русского консула в Хакодате в значительной степени способствовала взаимному знакомству и сближению народов и культур России и Японии.

И. А. Гошкевич заслужил глубокое уважение среди японцев, прежде всего своим дипломатическим тактом и гуманным отношением к людям. Его называли в Хакодате «Беловолосым консулом». Он строго соблюдал все местные обычаи, не задевал национальное достоинство японцев и оказывал им посильную помощь [22].

В Петербурге И. А. Гошкевич провёл два года, после чего был уволен с пенсией в 1500 рублей в год. Он приобрёл имение Мали (в нынешнем Островецком районе Гродненской области), где продолжал заниматься восточной филологией. Его книга «О корнях японского языка» вышла посмертно в Вильнюсе в 1899 году [23].

Скончался И. А. Гошкевич 5/17 октября 1872 года и похоронен на Евфросиниевском кладбище города Вильнюса.

Именем первого консула были названы описанные им неизвестные ранее виды насекомых (И. А. Гошкевич собрал уникальную коллекцию бабочек, которую оценивали значительной суммой американские учёные, но на удивление американцев эта коллекция была подарена бесплатно Зоологическому музею Академии наук в Петербурге [24, с. 7]), залив Чосанман (иначе Тздиньмань) в Корее (вблизи русско-корейской границы) [25]. В городском музее города Хакодате установлен бронзовый бюст российскому дипломату. На Русском кладбище в Хакодате также похоронена супруга И. А. Гошкевича — Елизавета Степановна Гошкевич, которая умерла 5 сентября 1864 года в возрасте 43 лет [26].

Список цитируемых источников

- 1 Лешенко Н. Ф. Посольства Н. П. Рязанова (1803—1805) и Е. В. Путятина (1852—1855) в Японию // Восточный архив 2009 № 19 С. 34—45
- 2 Бесстремляная Г. Е. Христианство и переводы Библии в Японии // Альфа и Омега 2006 № 2 (46) С. 134—165
- 3 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск: Полымя, 1986 № 1 С. 304 с
- 4 Там же С. 206
- 5 Кузнецов А. П. Вклад И. А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке. СПб.: 100 Аж, 2007 С. 128 с
- 6 Там же С. 28
- 7 Там же С. 28
- 8 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 206
- 9 Русские захоронения в Японии // Шире круг 2013 № 2 (36) С. 16—17 № 3
- 10 Бесстремляная Г. Е. Христианство и переводы Библии в Японии № 2 (46) С. 206
- 11 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 208
- 12 Кузнецов С. А. Русские на Хоккайдо // «Проблемы Дальнего Востока» 2009 № 4 С. 142—155 № 2
- 13 Там же С. 148
- 14 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 205
- 15 Кузнецов С. А. Русские на Хоккайдо № 4 С. 148—149
- 16 Там же С. 146
- 17 Хохлов А. Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина // Восток 1994 № 5 С. 64—74.
- 18 Там же С. 66
- 19 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 209
- 20 Русские захоронения в Японии № 2 (36) С. 16
- 21 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 215
- 22 Кузнецов А. П. Вклад И. А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке С. 78
- 23 Бесстремляная Г. Е. Христианство и переводы Библии в Японии № 2 (46) С. 216
- 24 Краўчанка П. Н. Белавалосы консул // Беларусь — Расія — Японія = Беларусь — Россия — Япония Матэрыялы Першых Астравецкіх краянаўчых чытаньняў, прысвечаных памяці Іосіфа Гашкевіча. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997 С. 7—10
- 25 Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана № 1 С. 216
- 26 Русские захоронения в Японии № 2 (36) С. 17